ДУЭЛЬ ИСТОРИКОВ

Марк

СОЛОНИН

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ: ХОТЕЛИ ЛИ РУССКИЕ ВОЙНЫ?

Владимир

ДАЙНЕС

Владимир Дайнес

Великая Отечественная. Хотели ли русские войны?

«Алгоритм»

2014

Дайнес В. О.

Великая Отечественная. Хотели ли русские войны? /
В. О. Дайнес — «Алгоритм», 2014

И снова и снова в спорах о Великой Отечественной войне всплывает имя Марка Солонина. И вновь кипят страсти вокруг его версии. Так напал ли Гитлер на своего недавнего советского друга Сталина, еще вчера поздравлявшего его с очередной победой в Европе, или все-таки Гитлер нанес превентивный удар?Версии Солонина противостоит известный военный историк – Владимир Дайнес, автор десятков трудов по истории Великой Отечественной войны, биограф Жукова и Рокоссовского, разоблачитель многих мифов об истории Второй мировой войны.Мы предлагаем читателю самому сделать вывод, кто же из историков прав, чья версия лучше аргументирована.

© Дайнес В. О., 2014
© Алгоритм, 2014

Содержание

Часть I. Что планировал и чего не планировал Сталин 6
М. Солонин. Три плана товарища Сталина 6
Приказано все забыть 6
А где документ с подписью? 7
Все решения принимал хозяин, единолично 8
Сомнений в достоверности нет 9
Есть основания верить 11
Зубастая «маниловщина» 12
«Найдите пять отличий» 16
Направление главного удара 17
Две игры 18
Через год-два… 20
Упредить противника 21
«Останемся друзьями» 22
Загадка 24 мая 23
Красноречивая хронология 25
«Взять на себя инициативу наступательных действий» 26
Их на фронт не провожали 27
«Гремя огнем, сверкая блеском стали…» 29
Конец ознакомительного фрагмента. 31

Владимир Дайнес, Марк Солонин
Великая Отечественная.
Хотели ли русские войны?

© Солонин М. С., 2014
© Дайнес В. О., 2014
© ООО «Издательство Алгоритм», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Часть I. Что планировал и чего не планировал Сталин

М. Солонин. Три плана товарища Сталина

В начале Второй мировой войны Сталин помогал Гитлеру. Это, если выражаться политкорректно, щадя национальную гордость великороссов. А можно сказать и так: «Советский Союз помогал фашистской Германии».

Приказано все забыть

Не будем отвлекаться на бесконечную дискуссию о том, насколько значима была эта поддержка, могла бы Германия без этой поддержки начать и выиграть военную кампанию на Западе. Эта дискуссия будет бесконечной, так как не существует математической модели, формализующей русскую поговорку «Дорога ложка к обеду». Миллион тонн нефтепродуктов, который получила Германия из СССР, легко пересчитать в доллары, рейхсмарки, рубли и тугрики. Сумма получится – в масштабах мировой экономики – очень скромная (к слову сказать, совокупная стоимость муки, перевезенной по Дороге жизни в блокадный Ленинград зимой 1941–1942 годов, была еще меньше).

Однако для Германии, которая ввязалась в войну против коалиции двух мировых держав, каждая тонна советского бензина имела особую ценность, в простом денежном эквиваленте невыразимую. И сказанные с высокой трибуны слова главы правительства другой великой державы: «Идеологию гитлеризма, как и всякую другую идеологическую систему, можно признавать или отрицать, это дело политических взглядов… но не только бессмысленно, но и преступно вести такую войну, как война за уничтожение гитлеризма, прикрываемая фальшивым флагом борьбы за демократию» – тоже дорогого стоили. Не зря же немцы расходовали советский авиабензин для заправки самолетов люфтваффе, с которых текст этого выступления Молотова в виде листовки разбрасывали над Францией.

Нехорошо это все, нехорошо. «Нельзя молиться за царя Ирода – Богородица не велит». А тут не просто «молились за ирода окаянного», а еще и помогали ему вполне практическими делами. И до того допомогались, что проспали тот момент, когда Гитлер собрался с силами, напился живой кровушки да и нанес сокрушительный удар по своему недавнему союзнику…

Каких только слов не придумывай, какие изворотливые мысли на бумаге не записывай – а всем было понятно, что сели мы с этой «великой дружбой» в большую лужу. Нехорошо. А чтобы воспоминания об этой подлой глупости не омрачали светлый лик родной Коммунистической партии, решено было все забыть.

Ни в одном послевоенном учебнике, ни в одной научно-популярной книге нельзя было найти даже малейших упоминаний о Секретном протоколе к Пакту о ненападении (сам факт его существования с пеной у рта отрицали без малого полвека), о совместном Советско-германском заявлении от 28 сентября 1939 года, о поздравлениях, которые летели из Москвы в Берлин после каждого успешного акта гитлеровской агрессии. А в справочнике «Внешняя торговля СССР» (М., «Финансы и статистика», 1982 г.) были приведены данные по товарообороту внешней торговли СССР в 1940 году со ста государствами мира – кроме Германии, так что про миллион тонн нефтепродуктов прочитать-то было негде. Но и все эти усилия помогали мало – трудно вычеркнуть из народной памяти то, что происходило на глазах и с участием десятков миллионов.

А где документ с подписью?

Двадцать лет назад вышла в свет книга Виктора Суворова «Ледокол». «Братья и сестры, – сказал автор, – откройте глаза! Все было совсем не так!». Не Гитлер использовал нас – это Сталин использовал самовлюбленного ефрейтора в качестве тарана, «ледокола», пробивающего в европейских льдах дорогу для «советского корабля». Да, Сталин поддержал Гитлера, но именно и только так, как веревка поддерживает повешенного. Сталин не «проспал войну» – он к ней всесторонне готовился. Сталин вовсе не был наивным дурачком, который «поверил в подпись Риббентропа», он не был истеричным трусом, который «гнал прочь всякую мысль о войне» и «боялся дать Гитлеру повод для нападения». Сталин готовил свою страну и армию к тому, чтобы нанести уничтожающий удар по гитлеровской Германии. Да, не получилось, да, опоздали с началом стратегического развертывания армии, но по крайней мере старались, стремились к тому, чтобы врезать бесноватому фюреру обухом по затылку…

Что тут началось! Был ли в истории нашей «общественной мысли» другой подобный скандал? Информационное поле переполнилось диким шумом, криком, визгом, глумливым хохотом. Огромные площади карельских лесов изведены на издание десятков пасквильных книжонок: «Миф “Ледокола”», «АнтиСуворов», «Новый АнтиСуворов», «Главная ложь В. Суворова», «Неправда В. Суворова», «Как Суворов выдумывал историю»… У некоторых персонажей отечественной исторической науки одно только упоминание имени Суворова вызывает неконтролируемое словоизвержение: «Подлец! Перебежчик! Иуда! Он врет на каждом слове! Нет, нет и еще раз нет! Мы были верными союзниками Гитлера! У товарища Сталина и в мыслях не было такого, чтобы обмануть партайгеноссе Гитлера! Мы были беспощадны к врагам рейха, и если бы не досадная неприятность, случившаяся на рассвете 22 июня, мы бы и дальше гнали в Германию эшелоны с нефтью и зерном – лишь бы наши фашистские друзья продолжали курочить ненавистных англосаксов…»

Надеюсь дожить до того времени, когда история этой незаурядной психической аномалии станет предметом серьезного изучения лучших специалистов. Пока же в рамках данной статьи я постараюсь собрать и проанализировать те документы и факты, которые выявлены за последние два десятилетия и на основе которых можно уже формулировать вполне аргументированные гипотезы о том, к какой войне готовился Сталин. Дабы не переводить обсуждение этих гипотез в область эмоций и крика, я твердо обещаю не использовать такие слова, как «вторжение», «агрессия», «порабощение», «экспансия» и пр. Для обсуждения проблемы в таких терминах есть другие площадки. На страницах «Военно-промышленного курьера» мы будем говорить о «наступлении», «стратегическом развертывании», «мобилизационном плане», «прикрытии сосредоточения» и прочих категориях военно-исторической науки.

Поскольку речь идет о науке (в противовес идеологии и демагогии), то абсолютно необходимо сказать хотя бы несколько слов о предмете исследования и его особенностях. Особенности эти непростые и, как я смог недавно убедиться, не всеми понятые.

В очередной раз мне об этом напомнил журналист «Голоса Америки» (да-да, того самого, финансируемого Госдепом США «подрывного антисоветского центра»). Накануне траурной даты (22 июня) радиостанция захотела узнать мое мнение о военно-политических планах Сталина. Минут сорок я зачитывал (благо, сидел дома за своим рабочим столом) отрывки из многочисленных особой важности, совершенно секретных документов. Меня внимательно слушали, задавали следующий вопрос, я зачитывал следующий документ…

Наконец трубка в Вашингтоне произнесла свой вердикт: «Знаете, Марк Семенович, какая-то у вас конспирология получается. Ни одного документа, одни догадки да выдумки».

Признаюсь: несмотря на свой, казалось бы, богатый опыт общения с журналистами, я на мгновение лишился дара речи. «Что значит – нет документов? А о чем мы с вами битый

час толкуем?». В «вашингтонском обкоме» дружелюбно засмеялись: «Да бросьте вы, какие же это “документы”? Планы Генштаба? Так военные всегда чего-то пишут и стрелочки на картах рисуют, работа у них такая. Для того чтобы начать войну, нужно Принципиальное Политическое Решение. У вас есть такой документ с подписью Сталина?».

Документа у меня не было. Я был настолько обескуражен железной логикой собеседника, что совсем уже растерялся и не задал ему наиочевиднейший вопрос: «А видел ли кто-нибудь подписанный лично Сталиным документ, в котором было бы сформулировано решение крепить мир во всем мире?».

Нет, в самом деле – где документ? Нам тысячу и один раз рассказывали про «неизменно миролюбивую внешнюю политику Советского Союза». В 1971 году выпустили сборник «СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны», там сотни документов (правда, такую «мелочь и ерунду», как оперативные планы Генштаба РККА, составители сборника включить забыли), но главного-то там нет! Где собственноручно написанная Сталиным бумага: «Я, Иосиф Виссарионович Джугашвили (Сталин), приказываю бороться за мир и разоружение, ни в какую войну не ввязываться, терпеливо ждать, пока на нас кто-нибудь нападет первым, а также приказываю именно этот мой приказ считать Принципиальным Политическим Решением».

Нет такой бумаги. И политического решения о подписании Пакта о ненападении с Германией никто никогда не видел. Пакт есть (опубликован во всех центральных газетах), Риббентроп в Москве был (есть соответствующие фотографии), а где же письменно оформленное решение Сталина? В рассекреченных в начале XXI века так называемых Особых папках Политбюро ЦК ВКП(б) среди протоколов заседаний августа 1939 года Пакт и Риббентроп ни в одном падеже не упомянуты вовсе.

А где у нас подписанное Сталиным пресловутое Принципиальное Политическое Решение о начале Большого террора 1937 года? О войне против Финляндии? Об аннексии трех стран Прибалтики в 40-м году? Почему эти документы никто не нашел? И даже искать не начинал?

Все решения принимал хозяин, единолично

Ответ на эти вопросы один, и все его прекрасно знают (точнее говоря – знали). Это только в последние годы, после выхода «Ледокола», статусные отечественные историки начали столь самозабвенно «косить под психов». До этого все и без лишних слов понимали, что в эпоху Сталина страна жила не по Конституции, а по определенным неписаным правилам. В рамках этих «правил» конституционные органы власти (в частности наделенный исключительным правом решения вопросов войны и мира Верховный Совет СССР) не были даже местом для политических дискуссий, напротив – важнейшие (принципиальные) политические решения принимал один человек, причем человек этот до мая 1941 года формально не занимал ни одной государственной должности. (Нашим новоявленным «законникам» следовало бы подумать: а с какой стати на директивах наркома обороны СССР могла появиться подпись одного из многих депутатов ВС СССР товарища Сталина? Кто его вообще мог по закону допустить к документам такого уровня секретности?) Свои решения Сталин доводил до исполнителей как в устной, так и в письменной форме – в любом случае они подлежали безоговорочному исполнению.

Рисовать «стрелочки» на секретных картах Генштаба без прямого, ясного и точного указания Сталина – куда и насколько эти «стрелочки» имеют право направиться – мог только самоубийца. Сложившаяся в высших эшелонах государственной власти обстановка абсолютно исключала возможность проявления какой-либо не санкционированной Хозяином «самодеятельности», в особенности в сфере военной и внешней политики. Более того, подчиненные Сталина – даже самого высокого ранга – сплошь и рядом уклонялись от действий в рамках

предоставленных им полномочий, перекладывая на вождя бремя принятия решения. Одним из самых ярких – и имеющих прямое отношение к обсуждаемой теме – примеров этого может послужить история июня 1941 года с введением в действие Плана прикрытия.

В соответствующих документах прямо и однозначно, в форме, исключающей какие-либо разночтения, было сказано: «План прикрытия вводится в действие при получении шифрованной телеграммы за подписями Наркома обороны, члена Главного Военного совета, начальника Генерального штаба». Сталин не был ни наркомом обороны, ни начальником Генштаба, ни членом ГВС (эту должность исполняли два секретаря ЦК – Жданов и Маленков). Строго говоря, Сталину просто негде было расписаться на решении о введении в действие Плана прикрытия. Тем не менее вечером 21 июня, когда из приграничных округов уже потоком шли сообщения о том, что немцы снимают проволочные заграждения на границе, а в воздухе висит гул танковых моторов, нарком обороны Тимошенко и начальник Генштаба Жуков, как дети малые, пошли к Сталину – просить разрешения на исполнение своих прямых служебных обязанностей.

История с опозданием введения в действие Плана прикрытия – это трагедия. Некоторые другие подобные истории имеют характер грубого трагифарса. Так, маршал артиллерии Н. Д. Яковлев (в начале войны он в звании генерал-лейтенанта возглавил Главное артиллерийское управление) в своих мемуарах рассказывает, как в сентябре 1941 года в одну из формирующихся кавалерийских дивизий поступили шашки дореволюционного производства, на клинках которых была выгравирована надпись «За веру, царя и отечество». Пробежав по ступенькам административной лестницы, решение этого великого вопроса было передано на рассмотрение Верховного главнокомандующего. Самое печальное во всей этой нелепой истории – это тот восторг, с которым уважаемый человек, заслуженный маршал на склоне своих лет рассказывает о проявленной товарищем Сталиным великой мудрости – он все-таки разрешил рубить немцев «за веру, царя и отечество». В рассказе нет даже тени сомнения в том, что в сентябре 41-го стоило тратить драгоценный ресурс – рабочее время Главковерха – на подобную ерунду…

Такая была страна, такая была в ней система власти. Говорить после этого про какой-то «план Жукова», разработку которого он якобы «начал на свой страх и риск» – значит расписаться в абсолютном непонимании предмета обсуждения. И это не «конспирология». Это история государства, организованного по образцу мафиозного клана. Хуже того – главные мафиози имели в своем распоряжении несколько десятков лет для уничтожения письменных свидетельств, а немногое уцелевшее и по сей день укрыто во тьме недоступных для историков «спецхранов». В такой ситуации не стоит изображать изумление (тем паче – возмущение) тем, что подписанная Сталиным бумага с Принципиальным Решением не найдена. Удивления достойно уже то, что некоторые документы и мемуарные свидетельства сохранились до наших дней и смогли стать объектом изучения.

Сомнений в достоверности нет

Первый, изначальный план Сталина был предельно прост и логичен. Да вы его и сами знаете, об этом писали во всех школьных учебниках: «Использовать в интересах СССР острые межимпериалистические противоречия». Именно так все и было, но с одним важным уточнением. Использовать противоречия можно по-разному, для достижения разных целей. Товарищ Сталин решил, что интерес СССР заключается вовсе не в борьбе за мир во всем мире, а в разжигании затяжной разрушительной войны в Европе. В том, что было принято именно такое решение, мы можем убедиться на основании аутентичных документов. Главные цели своей внешней политики Сталин вполне отчетливо выразил еще 2 сентября 1935 года в письме Молотову и Кагановичу: «Старой Антанты нет уже больше. Вместо нее складываются две: антанта Италии и Франции – с одной стороны и антанта Англии и Германии – с другой. Чем сильнее

будет драка между ними, тем лучше для СССР. Мы можем продавать хлеб и тем, и другим, чтобы они могли драться. Нам вовсе не выгодно, чтобы одна из них теперь же разбила другую. Нам выгодно, чтобы драка у них была как можно более длительной, но без скорой победы одной над другой».

Интересный документ. Из него, в частности, следует, что на тот момент товарищ Сталин довольно слабо разбирался в международной обстановке – в реальности в Европе формировались совсем другие «антанты» (военно-политические союзы). Но ход мыслей великого провокатора предельно ясен.

В конце лета 1939 года общий замысел стал воплощаться в реальных действиях (договор с Германией, секретный протокол о разделе сфер влияния в Восточной Европе, совместная с вермахтом военная операция по разгрому Польши). Действия нам хорошо известны. В чем были их смысл и цель? Обратимся опять же к цитатам из документов:

1. «Война идет между двумя группами капиталистических стран… Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Гитлера будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии). Гитлер, сам того не понимая и не желая, расстраивает, подрывает капиталистическую систему… Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались. Пакт о ненападении в некоторой степени помогает Германии. Следующий момент – подталкивать другую сторону…»

2. «Если мы заключим договор о взаимопомощи с Францией и Великобританией, Германия откажется от Польши и станет искать “модус вивенди” с западными державами. Война будет предотвращена, но в дальнейшем события могут принять опасный характер для СССР. Если мы примем предложение Германии о заключении с ней пакта о ненападении, она, конечно, нападет на Польшу и вмешательство Франции и Англии в эту войну станет неизбежным. Западная Европа будет подвергнута серьезным волнениям и беспорядкам… Нужно сделать все, чтобы эта война длилась как можно дольше в целях изнурения двух сторон… Придерживаясь позиции нейтралитета и ожидая своего часа, СССР будет оказывать помощь нынешней Германии, снабжать ее сырьем и продовольственными товарами…»

3. «Если бы СССР заключил договор с западными державами, Германия никогда бы не развязала войну, из которой разовьется мировая революция, к которой мы долго готовились… Заключив договор с нами, Гитлер закрыл себе путь в другие страны. С точки зрения экономики он зависим только от нас, и мы направим его экономику так, чтобы привести воюющие страны к революции. Длительная война приведет к революции в Германии и во Франции. Наши поставки немцам будут такими, что они будут оставаться голодными… В результате экономических договоров он открыл нам дорогу в рейх. Его война обессилит Европу, которая станет нашей легкой добычей. Народы примут любой режим, который придет после войны…»

4. «Там, на западе, три самых больших державы вцепились друг другу в горло, когда же решать вопрос о Ленинграде, если не в таких условиях, когда [у них] руки заняты и нам представляется благоприятная обстановка для того, чтобы их в этот момент ударить… Воевать-то они там воюют, но война какая-то слабая, то ли воюют, то ли в карты играют. Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено…»

Достоверность текстов № 1–4 ни малейшего сомнения не вызывает. Это соответственно составленная Георгием Димитровым (и хранящаяся ныне в РГАСПИ) запись выступления Сталина на состоявшейся 7 сентября 1939 года (ровно через неделю после начала войны) встрече с руководством исполкома Коминтерна и его речь на заключительном заседании совещания высшего командного состава Красной армии 17 апреля 1940 года. В сентябре Сталин высказывает оптимистические ожидания («Мы можем маневрировать, подталкивать одну сторону против другой, чтобы лучше разодрались»), в апреле появляются нотки тревоги («Вдруг они возьмут и помирятся, что не исключено»), но общая идея остается неизменной.

Гораздо сложнее обстоит дело с оценкой достоверности текстов № 2 и 3. Номер два – это так называемая речь Сталина на заседании Политбюро ЦК 19 августа 1939 года. Впервые ее обнародовало 28 ноября 1939 года французское агентство «Гавас». Процитированный мной вариант был опубликован в 1994 году российским историком Т. Бушуевой.

Этот текст является «трижды трофейным» документом – Бушуева обнаружила его в Центре хранения историко-документальных коллекций (бывший «Особый архив»). Там он значился как захваченный Красной армией у немцев и был в свою очередь найден ими во французском Генштабе, куда ему якобы довелось попасть после изъятия у французских коммунистов.

Есть основания верить

Подлинной стенограммы «речи Сталина от 19 августа» никто никогда не видел, нет даже твердых оснований утверждать, что такая речь была произнесена. В «особых папках» Политбюро (правильнее сказать – в том, что предложили публике под этим названием) к дате 19 августа относится только одно решение, причем по крайне малозначимому вопросу (о предоставлении отсрочки от призыва рабочим строительства железной дороги Акмолинск – Карталы). Смотрится это довольно странно. В 1939 году Политбюро принимало в среднем (включая выходные и праздничные дни) 8 решений в день. Август 1939-го был очень горячим – рассматривали ежедневно по два десятка вопросов (при этом надо иметь в виду, что заседаний как таковых было очень мало – решения, принятые Сталиным в узком кругу отобранных им «товарищей», просто оформлялись как «решения Политбюро»). С чего бы это 19 августа партийный ареопаг ограничился лишь одним третьестепенным вопросом?

Едва ли приходится спорить о том, что «французский документ» (назовем его так) – это не стенограмма, а искаженный многократным переводом пересказ чего-то. Чего именно – предстоит выяснить, но явное смысловое сходство с записью Георгия Димитрова, как говорится, бросается в глаза.

Гораздо интереснее и достовернее, на мой взгляд, документ № 3 («чешский документ»). Это отчет группы чешских антифашистов о встрече, которую они имели в октябре 1939 года с заведующим Центрально-Европейским отделом НКИД СССР А. М. Александровым. Документ был передан в Генконсульство США в Праге и затем благополучно пролежал в архиве Госдепа аж до 1978 года, когда его впервые опубликовал американский историк чешского происхождения Й. Калвода. Главным достоинством «чешского документа» являются четко зафиксированные даты: текст был получен генконсулом в Праге 17 ноября 1939 года, переведен на английский язык 20 ноября. Это очень важный момент – документ, почти дословно повторяющий формулировки «речи Сталина», составлен ДО публикации агентства «Гавас» (28 ноября).

Разумеется, это может быть теоретически объяснено тем, что оба текста составлены одним фальсификатором. Но в таком случае осведомленность и изворотливость этого человека не могут не вызывать крайнего изумления. Он знает, что именно 19 августа 1939 года (ни днем раньше и ни днем позже) в процессе заключения советско-германского соглашения произошли ключевые события, описанные в телеграмме посла Германии в Москве графа Шуленбурга так:

«Он [Молотов] настаивает на своем мнении, что в данный момент невозможно даже приблизительно определить время поездки [Риббентропа], так как она требует тщательных приготовлений… Молотова, очевидно, не трогали мои возражения, и первая беседа закончилась заявлением Молотова о том, что он высказал мне взгляды советского правительства и не может более ничего к ним добавить. Едва ли не через полчаса после завершения беседы Молотов передал мне, что просит разыскать его снова в Кремле в 16.30.

Он извинился, что поставил меня в затруднительное положение, и объяснил, что сделал доклад советскому правительству и уполномочен вручить мне проект Пакта о ненападении…

Молотов не объяснил мне причины резкого изменения своей позиции. Я допускаю, что вмешался Сталин…»

До публикации в 1948 году германской дипломатической переписки Госдепом США в известном сборнике трофейных документов германского МИДа (Nazi – Soviet Relations) на всем белом свете не более десятка человек знали о том, что именно 19 августа 1939 года Сталин принял «Принципиальное Политическое Решение» заключить договор с Гитлером (и, что весьма вероятно, сообщил о нем узкому кругу своих приближенных).

В «чешском документе» присутствуют слова А. М. Александрова: «…мы не можем позволить себе, чтобы Германия проиграла». Эта фраза имеет долгую и вполне достоверную историю. Произнес ее сам Сталин поздним вечером 23 августа 1939 года в ходе беседы с Риббентропом. 18 октября 1939 года Риббентроп решил использовать эту фразу в своем публичном выступлении и, как лояльный партнер Сталина, заранее прислал текст в Москву для согласования. В версии Риббентропа слова Сталина звучали так: «Советский Союз заинтересован в том, чтобы Германия, являющаяся его соседом, была сильной, и в случае пробы сил между Германией и западными демократиями интересы СССР и Германии будут, конечно же, совпадать. Советский Союз никогда не захочет видеть Германию попавшей в сложную ситуацию».

Товарищ Сталин с пониманием отнесся к желанию министра иностранных дел Третьего рейха публично припугнуть англо-французских плутократов и лишь попросил слегка смягчить формулировки. В согласованном варианте слова Сталина прозвучали так: «Советский Союз заинтересован в существовании сильной Германии. Советский Союз поэтому не может одобрить действия западных держав, создающих условия для ослабления Германии и ставящих ее в тяжелое положение».

До публикации 1948 года об этой переписке никто не знал, как же удалось «фальсификатору» столь близко к тексту передать мысли Сталина?

Коварный «фальсификатор» действует очень хитро: с одним текстом он знакомит мировую общественность с помощью ведущего французского информационного агентства «Гавас», при этом ссылается ни много ни мало на выступление самого Сталина. Другой текст, со ссылкой на высказывания советского чиновника среднего звена, он прессе не показывает, а передает в Генконсульство далекой (не только географически, но на тот момент и политически) от Европы страны.

Все это очень странно. Гораздо более логичным представляется мне гипотеза о том, что «чешский документ» вполне достоверен и аутентичен, да и «французский» – так называемая речь Сталина – также возник не на пустом месте, а представляет собой пересказ инструкций, которые руководители Коминтерна получили в Москве на весьма высоком уровне.

Если заменить ритуальное слово «революция», неизбежное для разговоров в Коминтерне, на гораздо более адекватные ситуации слова «разруха, хаос и анархия», то простой, как и все гениальное, план Сталина предстанет перед нами во всей своей красе. Осенью 1939 года именно Германия представлялась Сталину наиболее слабой стороной конфликта, именно ей он решил оказать разнообразную политическую, психологическую, экономическую помощь с тем, чтобы вожделенная общеевропейская война не прекратилась в самом своем начале по причине быстрого разгрома Германии.

Зубастая «маниловщина»

Насколько прост и понятен общий геополитический замысел, настолько же туманной и неопределенной представляется нам военно-стратегическая составляющая «плана Сталина № 1».

Где, на каких оперативных направлениях предполагалось расширять «мировой фронт социализма»?

Удивительный документ (удивительный главным образом тем, что его вовремя не уничтожили) сохранился в недрах Российского государственного военного архива. 5 марта 1940 года заместитель начальника Особого отдела Главного управления государственной безопасности НКВД СССР майор госбезопасности Осетров пишет докладную записку наркому обороны Ворошилову:

«31 января командующий войсками Сибирского военного округа командарм 2-го ранга Калинин сделал в окружном доме Красной Армии доклад о международном положении… Калинин заявил о неизбежности большой войны весной 1940 года, в которой с одной стороны будет стоять СССР в блоке с Германией, Японией и Италией против англо-французского блока… Военные действия с Англией, Францией и их союзниками будут носить затяжной характер…»

В последних строках докладной записки заместитель главного «особиста» НКВД СССР делает в высшей степени странный вывод: «Многие командиры считают выступление тов. Калинина путаным и освещение в таком виде международной обстановки политически вредным».

Как прикажете понимать такую расплывчатость и осторожность в оценке? С каких это пор «особисты» стали прятаться за «мнение многих командиров» – особенно после того, как НКВД успешно пересажало и перестреляло многие тысячи командиров Красной армии?

Можно предположить, что 5 марта 1940 года товарищ Осетров и сам еще толком не знал, как теперь надо «освещать международную обстановку», с кем и против кого будет воевать Советский Союз, но на всякий случай решил проинформировать товарища Ворошилова, чтобы снять с себя всякую ответственность. Судя по последствиям – 4 июня 1940 года С. А. Калинин получает звание генерал-лейтенанта и продолжает благополучно командовать своим округом – доклад перед командирами Красной армии с открытыми заявлениями о «неизбежности войны против англо-французского блока», да еще и в союзе с гитлеровской Германией и фашистской Италией, вовсе не был оценен как злобная клевета на неизменно миролюбивую внешнюю политику СССР.

11 мая 1940 года дивизионный комиссар Шабалин подает докладную записку начальнику Главного политуправления Красной армии Мехлису, в которой с большой тревогой напоминает о «необходимости тщательно просмотреть организацию частей и соединений Красной Армии под углом зрения готовности их вести войну на Ближневосточном театре».

21 июня 1940 года генерал-полковник Павлов доложил наркому обороны маршалу Тимошенко свои соображения о возможном использовании вооруженных сил трех аннексированных стран Прибалтики: «После чистки офицерского состава и укрепления частей нашим комсоставом допускаю возможность на первых порах – в ближайшее время – использовать для войны части Литовской и Эстонской армий – вне БОВО, примерно – против румын, афганцев и японцев». В ближайшее время.

К войне против Англии и ее союзников готовились не только советские генералы, но и адмиралы. В «Записке командующего ВВС Черноморского флота по плану операций ВВС ЧФ» (документ составлен не ранее 27 марта 1940 года) читаем: «Вероятный противник: Англия Франция, Румыния, Турция. Задачи ВВС: нанести удары по кораблям в водах Мраморного моря, проливе Босфор, постановка минных заграждений в Босфоре…»

Доклад командующего ВВС ЧФ Главному морскому штабу о плане развития авиации Черноморского флота на 1940–1941 годы предполагал следующее развитие событий:

«Задачи авиации по театрам военных действий:

1. Черное море. Нанесение мощных бомбовых ударов по базам: Констанца, Измаил, Варна…

2. Эгейское море: Салоники, Смирна…

3. Средиземное море: Александрия, Хайфа, Суэцкий канал, о. Мальта, Бриндизи…

Систематическими ударами по Суэцкому каналу лишить Англию и средиземноморские государства возможности нормальной эксплуатации этой коммуникации…»

В эти же месяцы весны 1940 года Главное управление ВВС РККА подготовило документ на 19 страницах под названием «Описание маршрутов по Индии № 1 (перевалы Барочиль, Читраль) и № 4 (перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор). На 34 страницах был составлен «Перечень военно-промышленных объектов» Турции, Ирана, Афганистана, Ирака, Сирии, Палестины, Египта и Индии. Почти все перечисленные страны – колонии или полуколонии Великобритании и Франции.

Огромное внимание, уделяемое южному ТВД, отнюдь не означало, что в советских штабах забыли про север Европы. Так, начальник штаба Краснознаменного Балтфлота контр-адмирал Пантелеев в докладной записке в Главный морской штаб предлагал 5 июля 1940 года следующее:

«Захват Аландских островов во всех случаях обстановки на Балтике и немедленно… Наступление наших сухопутных сил на север от базы Ханко и на запад от Выборга (в переводе с русского на русский это означает наступление на Хельсинки. – *М. С.*)… Немедленно, в этом же году получить Аландские острова и возможность реального контроля над всеми финскими базами в Финском заливе любыми средствами – вплоть до войны».

Не отставал от старшего начальника и командующий эскадрой КБФ контр-адмирал Несвицкий. 10 июля он отправил в Главный морской штаб докладную записку с предложением «решить вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии в пользу СССР и сделать Балтийское море внутренним морем».

В сентябре 1940 года «вопрос самостоятельного существования Швеции и Финляндии» ставился уже вполне конкретно: командующий ВВС КБФ генерал-майор Ермаченков подготовил для командующего КБФ вице-адмирала Трибуца «Записку по плану операций 1940 г.». Задачи авиации флота были там сформулированы следующим образом:

«Самостоятельными действиями боевой авиации ВВС КБФ и ВВС ПрибОВО уничтожить корабли и транспорты в море и не допускать базирования флота противника в: Стокгольм, Карлскроне, Норрчепинг, Форэ, Гельсинки, Або, Раумо, Пори, Мемель, Данциг, Гдыня, Заенец, Штетинг, Киль (перечислены балтийские порты Швеции, Финляндии, оккупированной немцами Польши и Германии. – *М. С.*)… Во взаимодействии с флотом, ВВС обеспечивают захват Аландских островов путем ударов с воздуха и высадкой воздушного десанта…»

Подготовка к реализации столь впечатляющих планов велась в разных направлениях, в том числе и по линии разведки. Вот, например, что пишет начальник разведывательного отдела штаба ВВС КБФ капитан Семишин начальнику 2-го отделения Первого отдела штаба авиации ВМФ майору Климашину:

«Доношу состояние разведывательной подготовки Штаба ВВС КБФ на 1 августа 40 г…

Дела целей продолжают заводиться и пополняются поступающим материалом, в частности, размножен объект Стокгольм в 20 экз. и разослан по частям. Разрабатываются объекты Кальмар и Карлскрона. Всего по ВВС заведено: дел целей – 270, из них по Швеции – 91, по Германии – 90, по Финляндии – 36».

14 августа майор Климашин посылает в адрес капитана Семишина следующие указания:

«К 1 сентября 1940 г. донесите – по каким целям оформлены дела по Финляндии, Швеции и во всех ли полках они есть. Одновременно сообщите, получили ли Вы объект «Стокгольм» из разведотдела КБФ и какие в нем недостатки. Обработку дел форсируйте с тем, чтобы закончить их в ближайшее время».

Разумеется, авиация была не единственным и даже не самым главным инструментом «решения вопроса самостоятельного существования Швеции» или блокирования Суэцкого канала. У нас как-то принято забывать о грандиозной программе строительства Военно-морского флота, реализация которой началась в СССР в конце 30-х годов. В 1938-м было принято

решение в течение 10 лет передать ВМФ 15 (!!!) линкоров, 35 тяжелых и 20 легких крейсеров, 145 лидеров и эсминцев. Позднее эту программу несколько подсократили – за семь лет предстояло построить «всего лишь» 6 линкоров, 21 легкий крейсер, 98 лидеров и эсминцев.

В перечне военной техники, оборудования и вооружений, закупленных в 1939–1940 годах в Германии, едва ли не половину составляли многочисленные образцы морской артиллерии (включая специальные коррозионно-стойкие орудия для подводных лодок), минного и торпедного вооружения, гидроакустические приборы, палубные самолеты-разведчики и катапульты для их запуска, гребные и турбинные валы, судовые дизели, корабельная броневая сталь, наконец, новейший крейсер «Лютцов», достроенный затем в Ленинграде.

Из 25 млрд рублей, ассигнованных в 1940 году по плану заказов вооружения и боевой техники, почти четверть (5,8 миллиарда) выделялась Наркомату ВМФ. Сметная стоимость одного линкора типа «Советский Союз» («проект 23») была в 1940-м установлена в размере 1,180 млн руб.

При всех оговорках по поводу того, что цена в условиях антирыночной социалистической экономики – категория достаточно условная, все же надо отметить следующее: один «Советский Союз» должен был обойтись казне в цену 80 тысяч противотанковых «сорокапяток», или 3 тысяч средних танков Т-34, или 3,2 тысячи легких бомбардировщиков СБ. К счастью, на строительство линкоров успели израсходовать (не считая затрат на НИОКР) лишь «жалкие» 600 млн рублей. В июле 1941-го все работы по созданию линкоров и тяжелых крейсеров немедленно остановили, а их корпуса законсервировали – для вооруженного противоборства с Германией эти циклопические монстры были совершенно непригодны.

К началу Второй мировой войны в строю ВМС великой морской державы Великобритании числилось 58 подводных лодок, ВМС Италии – 68, Японии – 63, Германии – 57. Флот огромной континентальной страны СССР имел (правда, не к сентябрю 1939-го, а к июню 1941 года) 267 субмарин. Вопрос: морскую блокаду какой страны должна была осуществлять эта подводная армада?

Ряд историков авиации (В. Белоконь, А. Степанов) обратили внимание и на явную «антианглийскую» направленность развития советских ВВС на рубеже 30—40-х годов. Уже имея в серийном производстве и на вооружении строевых частей бомбардировщик ДБ-3ф, способный с бомбовой нагрузкой в одну тонну пролететь 3300 км (аналогичный показатель у лучшего на тот момент немецкого бомбардировщика Не-111 – не более 2700 км), Сталин в январе 1939 года ставит перед конструкторами задачу создания бомбардировщика, способного преодолеть 5000 км. Зачем? К каким рубежам предстояло лететь «сталинским соколам»? От Минска до Берлина – 1000 км, от Минска до Гамбурга – 1200 км, от Киева до Мюнхена – 1400 км, от Владивостока до Токио – 1200 км. Дальности серийного ДБ-3ф вполне хватало для бомбардировки любой из названных целей. А вот для удара по Британским островам действительно требовался бомбардировщик со значительно большей дальностью (от Минска до Лондона – 1900 км, до Манчестера – 2000 км)…

…Вся эта «маниловщина», сладкие сны про превращение Балтики во «внутреннее море» и перевалы Киллио, Гильчит, Сринагор на пути к Индийскому океану рассыпались в пух и прах летом 1940 года. В течение одного месяца была разгромлена Франция. Английский экспедиционный корпус еле унес ноги, оставив на прибрежном песке Дюнкерка горы тяжелого вооружения. Новорожденный вермахт с головокружительной быстротой превращался в мощнейшую армию мира. Большая часть континентальной Западной Европы оказалась под контролем Гитлера. Эта ошеломляющая реальность заставила Сталина коренным образом менять стратегический план войны.

В отличие от «плана № 1», о содержании которого можно лишь догадываться по отдельным крохам информации, реконструировать «план № 2» сегодня можно достаточно подробно.

В первой половине 90-х годов были рассекречены и опубликованы в ряде сборников (в частности хорошо известном специалистам и любителям двухтомнике «Россия. XX век. Документы. 1941 год», по цвету обложки именуемом «малиновка») следующие документы:

– докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову «Об основах стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке» без номера и точной даты (но не позднее 16 августа 1940 года);

– документ с аналогичным названием, но уже с номером (№ 103202) и точной датой подписания (18 сентября 1940 года);

– докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову № 103313 (документ начинается словами «Докладываю на Ваше утверждение основные выводы из Ваших указаний, данных 5 октября 1940 г. при рассмотрении планов стратегического развертывания.

Вооруженных Сил СССР на 1941 год», в связи с чем его обычно именуют «уточненный октябрьский план стратегического развертывания»);

– докладная записка начальника штаба Киевского Особого военного округа (ОВО) по решению военного совета Юго-Западного фронта по плану развертывания на 1940 год (без номера, не позднее декабря 1940 года);

– докладная записка наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову «Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке» (без номера) от 11 марта 1940 года;

– директива наркома обороны СССР и начальника Генштаба Красной армии командующему войсками Западного ОВО на разработку плана оперативного развертывания войск округа (без номера, апрель 1941 года);

– соображения по плану стратегического развертывания Вооруженных Сил Советского Союза на случай войны с Германией и ее союзниками (без номера, не ранее 15 мая 1941 года).

«Найдите пять отличий»

Строго говоря, информации для изучения предостаточно. В распоряжении историков имеются пять вариантов общего плана стратегического развертывания Красной армии и материалы по оперативным планам двух важнейших фронтов: Юго-Западного и Западного. Какие же выводы можем мы сделать на основании доступных документов?

Во-первых, оперативный план войны против Германии существовал и многомесячная работа над ним шла по меньшей мере с августа 1940 года безо всяких оглядок на Пакт о ненападении. Странно, что это надо особо подчеркивать, но иные отечественные пропагандисты в своем «усердии не по разуму» доходили и до утверждения о том, что «наивный и доверчивый» Сталин заменил разработку военно-оперативных планов любовным разглядыванием подписи Риббентропа.

Во-вторых, начиная с августа 1940 года в упомянутых выше планах стратегического развертывания Англия в качестве возможного противника СССР уже не упоминается, главным противником неизменно называется Германия, которую предположительно могли поддержать Италия, Венгрия, Румыния и Финляндия.

В-третьих, все рассекреченные на сей день планы стратегического развертывания Красной армии – это фактически один и тот же документ, лишь незначительно изменяющийся от одного варианта к другому. Имеет место не только смысловое, но и явное текстуальное сходство всех планов. Все без исключения документы представляют собой описание плана подготовки и проведения стратегической наступательной операции за пределами государственных

границ СССР. Вся использованная в документах топонимика театра предполагаемых военных действий состоит из наименований восточно-прусских, польских и словацких городов и рек:

«Во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта нанести решительное поражение Люблин-Сандомирской группировке противника и выйти на р. Висла. В дальнейшем нанести удар в направлениях на Кельце – Петроков и на Краков, овладеть районом Кельце – Петроков и выйти на р. Пилица и верхнее течение р. Одер…»

«Ближайшая стратегическая задача – разгром во взаимодействии с 4-й армией Западного фронта вооруженных сил Германии в районах Люблин, Томашув, Кельце, Радом и Жешув, Ясло, Краков и выход на 30 день операции на фронт р. Пилица, Петроков, Оппельн, Нейштадт, отрезая Германию от ее южных союзников…»

«Главными силами Юго-Западного фронта во взаимодействии с левым крылом Западного фронта нанести удар и решительное поражение Люблин-Радом-Сандомир-Краковской группировке противника, форсировать р. Висла, овладеть Краков и Варшава и выйти на фронт Варшава, Лодзь, Крейцбург, Оппельн…»

«С переходом армий Юго-Западного фронта в наступление ударом левого крыла фронта в общем направлении на Седлец, Радом способствовать Юго-Западному фронту разбить Люблин-Радомскую группировку противника. Ближайшая задача фронта – овладеть районом Седлец, Луков и захватить переправы через р. Висла, в дальнейшем иметь в виду действия на Радом с целью полного окружения Люблинской группировки противника во взаимодействии с Юго-Западным фронтом…»

«Главный удар силами Юго-Западного фронта нанести в направлении Краков, Катовице, отрезая Германию от ее южных союзников; вспомогательный удар левым крылом Западного фронта нанести в направлении Седлец, Демблин с целью сковывания Варшавской группировки и содействия Юго-Западному фронту в разгроме Люблинской группировки противника…»

Выше приведены отрывки из пяти разных документов (планов). Что называется, «найдите пять отличий». Уже одно это очевидное единство замысла (и даже деталей) всех вариантов плана стратегической наступательной операции, проводимой к западу от госграницы СССР, показывает абсолютную нелепость формулировок «план Жукова», «майский план Жукова»… План стратегического развертывания Красной армии мог быть исключительно и только «планом Сталина». В период с августа 1940 по май 1941 года над разработкой различных вариантов этого плана работали нарком обороны СССР С. К. Тимошенко и три последовательно сменявших друг друга начальника Генштаба – Б. М. Шапошников, К. А. Мерецков и Г. К. Жуков. Майский (1941 года) вариант ничем принципиальным не отличался от своих предшественников.

Направление главного удара

Только августовский (1940 года) документ ставит выбор направления развертывания главных сил Красной армии в зависимость от вероятных планов противника («считая, что основной удар немцев будет направлен к северу от устья р. Сан, необходимо и главные силы Красной Армии иметь развернутыми к северу от Полесья»). С большой натяжкой эту логику еще можно назвать «планированием ответного контрудара». Все же последующие варианты плана устанавливают географию стратегического развертывания исключительно из соображений военно-оперативных и политических «удобств» для наступающих советских соединений. Оценка вероятных планов германского командования (развертывание немцами наиболее мощной группировки к северу или к югу от болот Полесья) несколько раз меняется, но это уже никак не влияет на выбор направления главного удара РККА.

Конкретнее: начиная с октября 1940 года все варианты оперативного плана предусматривают развертывание главных сил Красной армии южнее реки Припять, в районе так назы-

ваемого Львовского выступа. Выбор именно такой схемы развертывания (и соответственно отказ от «северного варианта») составители документов обосновывают сугубо наступательными соображениями. В мартовском (1941 года) варианте плана стратегического развертывания это было сформулировано так:

«Развертывание главных сил Красной Армии на Западе с группировкой главных сил против Восточной Пруссии и на Варшавском направлении вызывает серьезные опасения в том, что борьба на этом фронте может привести к затяжным боям, свяжет наши главные силы, не даст нужного и быстрого эффекта, ускорит вступление Балканских стран в войну против нас…

Наиболее выгодным является развертывание наших главных сил к югу от р. Припять с тем, чтобы мощными ударами на Люблин, Радом и на Краковском направлении разбить главные силы немцев и в первом же этапе войны отрезать Германию от Балканских стран, лишить ее важных экономических баз и решительно воздействовать на Балканские страны в вопросах участия их в войне против нас…»

Наступление на Краков – Катовице неизменно называлось лишь «первой стратегической задачей». Мартовский (1941 года) план уже в явном виде устанавливает направления последующих ударов:

«Дальнейшей стратегической целью для главных сил Красной Армии в зависимости от обстановки может быть поставлено: развить операцию через Познань на Берлин, или действовать на юго-запад на Прагу и Вену, или удар на севере на Торунь и Данциг с целью обхода Восточной Пруссии…»

Никаких других планов стратегического развертывания Красной армии, кроме вышеперечисленных, никто еще не нашел. Имея в своем распоряжении все архивы России, противники гипотезы Виктора Суворова (Владимира Резуна) так и не смогли за последние 18 лет предъявить «городу и миру» ни одного документа, в котором бы начало (хотя бы начало!) советско-германской войны планировалось в форме стратегической оборонительной операции на территории СССР.

За последние 18 лет – не нашли. В предыдущие годы и искать не собирались. До выхода в свет «Ледокола» советские историки без тени смущения констатировали, что «на расположение позиций и войск оказал влияние наступательный характер планируемых стратегических действий… замысел на стратегическое развертывание и построение оперативных группировок войск в большей мере отражал наступательные цели». Правда, подобные признания всегда сопровождались дежурной оговоркой о том, что «в силу неверной оценки ситуации было неоправданно допущено ошибочное решение…»

Две игры

В начале января 1941 года основные идеи и решения оперативного плана войны против Германии и ее союзников были отработаны в ходе двух оперативно-стратегических игр на картах, проведенных Генштабом РККА под общим руководство наркома обороны маршала Тимошенко. К участию в этих играх привлекли четырех маршалов и 49 генералов – заместителей наркома обороны и начальника Генштаба, командующих и начальников штабов западных военных округов, руководителей (и их заместителей) главных управлений и генерал-инспекторов родов войск… Одним словом – весь высший комсостав Красной армии, тех, кому в недалеком будущем предстояло вести ее в бой.

Более полувека материалы январских (1941 года) оперативно-стратегических игр были скрыты под грифом «Совершенно секретно». Сугубая секретность, однако же, не помешала советским историкам рассказать народу «всю правду» (эта «правда» даже нашла свое отражение в одной эпохальной киноленте – там Жуков упрекает обреченного на расправу командующего Западным фронтом Д. Г. Павлова в том, что тот-де не сделал должных выводов из

январской «игры», в ходе которой будущий Великий Маршал, играя за «западных», окружил и разгромил «восточных» в Белоруссии). Причем и после рассекречивания и подробной публикации материалов «игр» (см. № 7 и 8 «Военно-исторического журнала» за 1993 год) обозреватель «Красной звезды» В. Мороз напишет следующее:

«Известно, что Генеральный штаб Красной Армии даже оперативно-стратегическими играми такой (наступательной. – *М. С.*) направленности не занимался… Истории известна штабная игра иного содержания. Наши лучшие стратеги, самые подготовленные операторы прикидывали – чем обернется для СССР нападение Германии, и, как известно, Сталина не успокоили, удар – даже в игре – отразить не смогли» («Красная звезда» от 13 января 2000 года).

В реальности были проведены две игры. В первой отрабатывался «северный вариант» – нанесение главного удара из Белостокского выступа и Литвы в Восточную Пруссию. Условные боевые действия развернулись на территории противника, «восточные» дошли до Алленштайна (ныне Ольштын, Польша) и Растенбурга (ныне Кетржин, Польша), однако в целом поставленные наступательные задачи решены не были (ни окружить главные силы «западных», ни выйти на Вислу и к Данцигу не удалось). Наступление в лесисто-болотистой местности (печально памятные еще по Первой мировой войне Мазурские озера) захлебнулось. Игра еще раз подтвердила бесперспективность «северного варианта» стратегической наступательной операции.

В финале игры «западные», которыми командовал Жуков, действительно попытались было перехватить инициативу и нанесли два удара во фланг и тыл наступающих на Алленштайн «восточных», при этом в районе Ломжа, Замбров, Брест условные боевые действия были перенесены на 20–40 км к востоку от госграницы. На ту катастрофу, которая в реальности произошла в Белоруссии в июне 41-го, этот прорыв «западных» к Ломже и Замброву похож так же, как домашняя кошка похожа на льва.

В ходе второй «игры» отрабатывался уже принятый и в октябре 1940 года утвержденный в качестве основного (кстати, и состав группировки «восточных» во второй игре был значительно больше, чем в первой) «южный вариант». Развернув основные силы на Львовском выступе, «восточные» в течение пяти недель должны были выйти на фронт река Висла, Краков, Будапешт, Тимишоара, Крайова, то есть в ходе наступления глубиной до 250–300 км занять южную Польшу, Словакию, большую часть Венгрии и Румынии.

Вторая («южная») игра заслуживает особого внимания по целому ряду причин. Во-первых, в ее сценарии были отброшены даже минимальные «фиговые листки» показного миролюбия: наступление «восточных» начиналось даже не от линии госграницы, а из района Жешув – Тарнув – уже с территории оккупированной немцами Польши, так называемого Генерал-губернаторства. Тут уместно вспомнить, что в разработанном позднее, в мае-июне 1941 года, Плане прикрытия отмобилизования, сосредоточения и развертывания войск Киевского ОВО ставилась задача уже на этапе развертывания основной группировки «быть готовыми по указанию Главного Командования к нанесению стремительных ударов для разгрома группировок противника, перенесения боевых действий на его территорию и захвата выгодных рубежей».

Во-вторых (и это исключительно важно для понимания того, как Сталин и его приближенные оценивали тогда боеспособность Красной армии), в ходе игры «восточные» решали одновременно четыре (!) крупномасштабные задачи: разгром основных сил противника в районе Краков – Катовице, глубокий прорыв на Будапешт, упорная оборона на двух направлениях контрударов противника (на Ковель и на Стрый), окружение ударной группировки «западных», форсировавшей Днестр в районе Хотин и наступавшей на Волочиск – Проскуров. Все эти задачи «восточные» блестяще решали, уступая противнику в числе стрелковых дивизий (81 против 100) и имея весьма небольшое (на 30 %) превосходство в авиации (лишь в количестве танков «восточные» имели трехкратное преимущество).

В-третьих, хронология игры была задана очень примечательно. Не «первый, второй… десятый день», а с 8 по 20 августа. И не просто последнего летнего месяца, а вполне конкретного года – 1941-го. Этот факт выглядит довольно странно: если точное указание на определенный месяц еще можно объяснить тем, что для планирования условных боевых действий требовалось правильно учесть природно-климатические условия, продолжительность светового дня, время восхода и заката, то для чего же понадобилось называть год?

Через год-два…

Тут мы переходим к одному из самых сложных вопросов предыстории Великой Отечественной войны. Если сам замысел грандиозной наступательной операции понятен и дискуссия возможна лишь в порядке уточнения отдельных деталей, то установить на основании рассекреченных документов точную дату запланированного перехода Красной армии в наступление не представляется возможным.

Высказанное Виктором Суворовым и Игорем Буничем предположение, что Сталин намеревался начать операцию в тот момент, когда немецкие войска высадятся на Британских островах, не нашло пока каких-либо подтверждений в доступных документах. Нет слов, гипотеза красивая, но, увы, одной только «красоты замысла» для историка мало.

Большие вопросы вызывает докладная записка от 11 марта 1941 года («Уточненный план стратегического развертывания Вооруженных Сил СССР на Западе и на Востоке»), где на оборотной стороне 27-й страницы тонким карандашом, аккуратным «бисерным» почерком (предположительно рукой тогдашнего начальника Оперативного управления Генштаба Н. Ф. Ватутина) вписана фраза: «Наступление начать 12.6». Фраза эта никак не связана с контекстом (она появляется после описания задачи, поставленной перед «левым крылом главной группировки Юго-Западного фронта») и вообще кажется неуместной в документе, где все хронологические отметки выражены в условных датах, «привязанных» к первому дню операции («на 3-й день операции подвижными частями овладеть Седлец и на 5-й день переправами на р. Висла»).

Внимательный анализ документа не дает оснований предположить, что фраза «наступление начать 12 июня» относится к 12 июня 1941 года. Логика рассуждения здесь очень простая – большая часть механизированных (танковых) соединений, упомянутых в мартовском (1941 года) плане, просто не существовала в реальности. Так, в состав 4-й армии Западного фронта по плану включались три мехкорпуса. Тем же тонким карандашом вписаны и их номера – 13, 14 и 17-й. Но на тот момент о решительном наступлении силами этих соединений не могло быть и речи. 14-й мехкорпус по утвержденным в феврале 1941-го планам заканчивал формирование лишь в начале 1942 года. Что же касается 13 и 17-го МК, то они и вовсе находились на самой ранней стадии формирования, и даже к концу 1941 года их плановая укомплектованность танками должна была составить порядка 25–30 %.

В целом развернутая в феврале 1941-го программа создания гигантских бронетанковых сил, предусматривающая формирование 30 мехкорпусов по тысяче танков в каждом и вооружение этой чудовищной бронированной орды «танками новых типов» (КВ и Т-34), не могла быть завершена ранее конца 1942 года (если не позже). Ни один разумный человек – а Сталин, без сомнения, был человеком чрезвычайно осторожным – не стал бы затевать такой грандиозный «капитальный ремонт» за несколько месяцев до начала Большой Войны. Можно предположить, что в марте 1941-го этот момент был отнесен им к началу лета («12 июня») 1942-го или даже 1943 года…

«В поле две воли», – гласит старинная русская поговорка. Драматичное развитие событий Второй мировой войны не позволило Сталину подготовиться к войне в Европе основательно, «с чувством, с толком, с расстановкой». В какой-то момент весны 1941 года в Москве поняли, что нанести удар первыми удастся лишь в том случае, если Красная армия начнет

наступление не позднее августа-сентября 1941-го. В этой новой реальности высшему военно-политическому руководству Советского Союза пришлось спешно корректировать разработанные ранее планы.

Строго говоря, «третий план Сталина» с точки зрения оперативного замысла ничем не отличался от «плана № 2». По-прежнему предусматривалось проведение крупномасштабной наступательной операции за пределами государственных границ СССР. Майские (1941 года) «Соображения по плану стратегического развертывания» полностью повторяют все предыдущие варианты плана войны против Германии по задачам, направлениям главных ударов, срокам и рубежам.

Упредить противника

В тексте «Соображений» появляется лишь один, но весьма значимый новый момент. А именно: «Германия имеет возможность предупредить нас в развертывании и нанести внезапный удар». Именно поэтому разработчики плана настойчиво предлагают «ни в коем случае не давать инициативы действий Германскому командованию, упредить противника и атаковать германскую армию в тот момент, когда она будет находиться в стадии развертывания и не успеет еще организовать фронт и взаимодействие родов войск».

Еще раз подчеркну, что нет никаких оснований для рассуждений об особой «агрессивности» майских (1941 года) «Соображений»: намерение опередить противника и «ни в коем случае не давать ему инициативы действий» является всего лишь элементарным требованием здравого смысла и азов оперативного искусства. Преимущество первого удара – слишком серьезная вещь, чтобы по собственной воле дарить его противнику. Принципиально новым является лишь то, что в мае 41-го советское командование уже не столь уверено в том, что ему удастся это сделать, и потому просит Сталина незамедлительно провести все необходимые мероприятия, «без которых невозможно нанесение внезапного удара по противнику как с воздуха, так и на земле».

Когда же произошел столь резкий поворот в оценке военно-стратегической ситуации?

Как ни странно, но мы можем определить этот момент времени с точностью до одного-двух месяцев, что в отсутствие прямых документальных свидетельств может считаться отличным результатом: не раньше 6 апреля и не позже 24 мая 1941 года.

6 апреля 1941-го – один из наиболее загадочных дней в истории Второй мировой войны. Напомним основную канву событий. В ночь с 26 на 27 марта в Белграде произошел военный переворот, инспирированный то ли английской, то ли советской спецслужбами. Новое правительство Югославии генерала Душана Симовича заявило о своем намерении дать твердый отпор германским притязаниям и обратилось с просьбой о помощи к Советскому Союзу. 3 апреля (то есть всего лишь через неделю после переворота) югославская делегация уже вела в Москве переговоры о заключении договора о дружбе и сотрудничестве с самим Сталиным.

Несмотря на то, что Германия через своего посла Шуленбурга довела до сведения В. М. Молотова мнение Берлина о том, что «момент для заключения договора с Югославией выбран неудачно и вызывает нежелательное впечатление», в 2.30 ночи 6 апреля 1941 года советско-югославский договор был подписан. Через несколько часов после этого самолеты люфтваффе подвергли ожесточенной бомбардировке Белград, а немецкие войска вторглись на территорию Югославии. Советский Союз никак и ничем не помог дружескому государству. 6 апреля примерно в 16 часов по московскому времени Молотов принял Шуленбурга и, выслушав официальное сообщение о наступлении вермахта на Балканах, ограничился лишь меланхолическим замечанием: «Крайне печально, что несмотря на все усилия, расширение войны, таким образом, оказалось неизбежным…»

Что это было? Для какой надобности Сталин столь демонстративно «дразнил» Гитлера, не имея намерения (да и практической возможности!) прийти на помощь Югославии? На протяжении многих лет вопрос этот остается в центре дискуссии историков. Пока же с полной уверенностью можно сказать одно – после 6 апреля 1941 года внешняя (подчеркнем это слово мысленно тремя жирными чертами) сторона советско-германских взаимоотношений резко меняется. Причем в сугубо одностороннем порядке: Москва начинает демонстративно и навязчиво «дружить» с Берлином и его союзниками.

«Останемся друзьями»

13 апреля 1941 года произошло крупное событие мирового значения: в Москве был подписан Пакт о нейтралитете между СССР и Японией – соглашение, которое развязывало Сталину руки для действий на Западе. В этот же день случился и небольшой эпизод на московском вокзале, привлекший, однако, к себе пристальное внимание политиков и дипломатов на всех континентах. В отчете, который посол Германии в тот же день с пометкой «Срочно! Секретно!» отправил в Берлин, этот странный эпизод был описан так:

«Явно неожиданно как для японцев, так и для русских вдруг появились Сталин и Молотов и в подчеркнуто дружеской манере приветствовали Мацуоку (министр иностранных дел Японии. – *М. С.*) и японцев, которые там присутствовали, и пожелали им приятного путешествия. Затем Сталин громко спросил обо мне и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: «Мы должны остаться друзьями, и Вы должны теперь все для этого сделать!». Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности немецкого военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: «Мы останемся друзьями с Вами в любом случае».

Жаркие объятия у дверей вагона вскоре дополнили другие, столь же демонстративные действия. В Москве были закрыты посольства и дипломатические представительства стран, разгромленных и оккупированных вермахтом. Не стало исключением и посольство той самой Югославии, на договоре о дружбе с которой, как говорится, «еще не просохли чернила». В мае 1941 года Советский Союз с послушной готовностью признал прогерманское правительство Ирака, пришедшее к власти путем военного переворота. В самом благожелательном духе решались все вопросы экономического сотрудничества с Третьим рейхом. В меморандуме МИДа Германии от 15 мая 1941 года отмечалось:

«Переговоры с первым заместителем Народного комиссара внешней торговли СССР были проведены в весьма конструктивном духе… У меня создается впечатление, что мы могли бы предъявить Москве экономические требования, даже выходящие за рамки договора от 10 января 1941 года… В данное время объем сырья, обусловленный договором, доставляется русскими пунктуально, несмотря на то, что это стоит им больших усилий; договоры, особенно в отношении зерна, выполняются замечательно…»

Престарелый дипломат Шуленбург был совершенно восхищен и очарован дружелюбием гостеприимных московских хозяев. (К слову, в ноябре 1944-го бывшего посла Германии в СССР казнили за участие в заговоре против Гитлера, так что его «наивная доверчивость» могла быть и не столь наивной, как кажется.) 24 мая 1941 года в очередном донесении в Берлин он пишет:

«То, что эта внешняя политика прежде всего направлена на предотвращение столкновения с Германией, доказывается позицией, занятой советским правительством в последние недели, тоном советской прессы, которая рассматривает все события, касающиеся Германии, в не вызывающей возражений форме, и соблюдением экономических соглашений».

Загадка 24 мая

В тот же самый день, 24 мая 1941 года в кабинете Сталина состоялось многочасовое совещание, участниками которого, кроме самого хозяина, были:

– заместитель главы правительства и нарком иностранных дел В. М. Молотов,

– нарком обороны С. К. Тимошенко,

– начальник Генерального штаба РККА Г. К. Жуков,

– начальник Оперативного управления Генштаба Н. Ф. Ватутин,

– начальник Главного управления ВВС Красной армии П. Ф. Жигарев,

– командующие войсками пяти западных приграничных округов, члены военных советов и командующие ВВС этих ВО.

Других столь же представительных совещаний высшего военно-политического руководства СССР не происходило – ни за несколько месяцев до 24 мая 1941-го, ни после этой даты вплоть до начала войны.

Вот, собственно, и весь «массив информации». Ничего большего неизвестно и по сей день. Официальная советская (равно как и современная российская) историография не проронила ни слова о предмете обсуждения и принятых 24 мая решениях. Ничего не сообщили о них в своих мемуарах и немногие дожившие до смерти Сталина люди, которые находились в тот день в его кабинете. Рассекреченные в начале XXI века Особые папки протоколов заседаний Политбюро ЦК ВКП(б) за май 1941 года также не содержат даже малейших упоминаний об этом совещании.

И лишь маршал А. М. Василевский в пролежавшей в архивной тиши без малого 27 лет рукописи газетной статьи вспоминает: «За несколько недель до нападения на нас фашистской Германии, точной даты, к сожалению, назвать не могу, вся документация по окружным оперативным планам была передана Генштабом командованию и штабам соответствующих военных округов».

Если предположить, что память не подвела Василевского и именно в ходе совещания 24 мая 1941 года конкретное содержание оперативного плана войны было доведено, «в части, их касающейся», до непосредственных исполнителей – командований приграничных военных округов (будущих фронтов), то диапазон «возможных дат» начала операции сужается практически до двух месяцев: от середины июля до конца августа 1941-го.

Кратко поясним этот достаточно очевидный вывод.

Чтобы провести крупномасштабную наступательную операцию (с глубиной наступления 300 километров уже на этапе решения «первой стратегической задачи») против сильнейшей на тот момент сухопутной армии мира – германской, требовалось осуществить огромный комплекс взаимосвязанных мероприятий, называемых на военном языке «отмобилизование, сосредоточение и развертывание войск». При этом для успешного решения всех задач, связанных с выполнением данных мероприятий, нужно было время, и немалое.

Так, по расчетам, содержавшимся в предвоенных планах советского командования, на отмобилизование и сосредоточение войск отводилось от восьми (для Северного фронта, то есть Ленинградского ВО) до тридцати (для Юго-Западного фронта, то есть Киевского ОВО) дней. Однако эти сроки относятся к той ситуации, когда железные дороги переведены на особый «режим военных перевозок». При сохранении же – в целях обеспечения максимальной секретности – режима работы стальных магистралей по мирному времени (а именно этот вариант и был выбран в реальности) продолжительность сосредоточения неизбежно возрастает. Таким образом, Красная армия в случае начала стратегического развертывания в конце мая могла бы в полном объеме подготовиться к боевым действиям не ранее первой декады июля.

Имеет смысл сравнить эту хронологию с тем графиком, по которому шла подготовка к войне по другую сторону будущего фронта.

В декабре 1940 года Гитлер сообщил своим генералам: «Приказ о стратегическом развертывании вооруженных сил против Советского Союза я отдам в случае необходимости за восемь недель до намеченного срока начала операции». Это обещание («восемь недель») Гитлер выполнил: дата вторжения на территорию СССР (22 июня 1941 года) была окончательно установлена и доведена до сведения верховного командования вермахта 30 апреля – за 52 дня до того, как немецкие войска пересекли советскую границу.

Отсчитав те же восемь недель от даты совещания в Кремле 24 мая 1941-го, мы попадаем в 19 июля – вполне реалистичный срок завершения всех мероприятий по стратегическому развертыванию Красной армии.

Заметим, кстати, что в Центральном архиве Минобороны РФ, в архивном фонде трофейных документов противника хранится некая аналитическая записка (она предназначалась, вероятно, для пропагандистских служб вермахта). А в ней описываются причины, побудившие германского «вождя» начать войну против Советского Союза (ЦАМО, ф. 500, оп. 12462, д. 596, л. 65), и в частности упомянут некий «секретный материал, найденный в служебном помещении Красной армии в Луцке» (Западная Украина), в соответствии с которым начало наступления РККА якобы было назначено на 25 июля 1941 года.

Середина июля 1941-го – это «нижняя граница» возможного диапазона дат начала стратегической наступательной операции. Верхнюю границу несложно определить, исходя из оценки природно-климатических условий Восточно-Европейского ТВД.

Главный удар, как было уже отмечено («ВПК», № 30, 2010), предстояло нанести в направлении Львов – Краков с дальнейшим развитием наступления на Познань – Берлин или Прага – Вена. Плановая продолжительность решения «первой стратегической задачи» составляла 25–30 дней.

Но не все на войне идет по плану, к тому же за успешным решением «первой задачи» должен был последовать следующий, еще более глубокий удар. Однако даже в Южной Польше, Словакии и Венгрии бывает зима – сырая, слякотная, с дождями, туманами и мокрым снегом. Для действий авиации и моторизованных войск это значительно хуже «нормальной» русской зимы с крепкими морозами, которые превращают все дорожные направления в «дорогу с твердым покрытием» и сковывают озера и реки ледяным «мостом». Сухая же и теплая погода держится на юге Восточной Европы обычно до октября. Таким образом, конец августа – начало сентября могло считаться предельным сроком, после которого начинать крупномасштабное наступление в Южной Польше и на Балканах было бы слишком рискованно.

Дальнейшее уточнение хронологии «третьего плана Сталина» станет возможным только после радикального изменения объема и состава «источниковой базы», находящейся в распоряжении российских историков. Пока же имеет смысл обсудить только один, но очень важный вопрос: а может быть, не столь уж далека от истины традиционная версия советской историографии? Может быть, и вправду «партия и правительство, распознав коварные планы гитлеровских агрессоров, в начале июня 1941 года приступили к осуществлению мероприятий, направленных на повышение обороноспособности нашей страны»?

Нет, не может. Стратегическое развертывание, начатое в конце мая, никоим образом не могло быть развертыванием для обороны. Столь категорический вывод прямо следует из оценки очевидных и бесспорных географических и природно-климатических условий театра предполагаемых военных действий.

Красноречивая хронология

Логика и хронология тут предельно простые. Войска, начавшие стратегическое развертывание в конце мая, завершат сосредоточение и построение оборонительных группировок никак не раньше первой декады июля. В целях проведения стратегической ОБОРОНИТЕЛЬНОЙ операции это будет уже безнадежно поздно (что и подтвердилось с беспощадной ясностью на полях сражений лета 1941 года).

Наивно было бы ожидать, что Гитлер – если он решится напасть на СССР – станет тянуть с началом вторжения до середины лета. Это Красная армия в «тесной Европе» могла решить стратегическую задачу броском на 300 километров. У Советского Союза была совсем другая география, и вермахту предстояло наступать на глубину в тысячу и более километров.

Как известно ныне, по первоначальному плану германского командования вторжение должно было начаться 15 мая, после того как грунтовые дороги Европейской части СССР окончательно высохнут после весенней распутицы. Но для того чтобы подготовиться к отражению наступления противника 15 мая, следовало начинать стратегическое развертывание Красной армии как минимум в начале апреля.

24 мая завершать развертывание было бы слишком поздно – не говоря уже о том, чтобы только начинать готовиться к нему.

Балканская кампания «смешала карты» Гитлера и привела к отсрочке нападения на СССР на целых пять недель (что, по мнению многих военных специалистов – и не только из числа «битых гитлеровских генералов», фатальным образом отразилось на итогах борьбы на Восточном фронте). Начинать же наступление во второй половине июля было бы для немцев полным безумием: даже при отсутствии всякого сопротивления со стороны Красной армии германской пехоте (а это четыре пятых армии вторжения) пришлось бы в таком случае брести к установленной в плане «Барбаросса» линии Архангельск – Астрахань по пояс в снегу…

Но, может быть, товарищ Сталин и его военачальники просто ошиблись? Ошиблись в оценке планов германского командования, поздно осознали, что Гитлер решил напасть на СССР уже в 1941 году, но затем, в конце мая спохватились и, понимая уже, что безнадежно опаздывают, попытались в экстренном порядке наверстать упущенное?

Нет, эта гипотеза абсолютно противоречит фактам. Не было никакого «экстренного порядка». Все делалось точно наоборот. Стратегическое развертывание РККА происходило в самые растянутые во времени сроки, без объявления открытой мобилизации (она была объявлена с 23 июня – на день позже фактического начала военных действий – ситуация совершенно фантастическая). Войска приграничных округов выдвигались на запад короткими ночными переходами, по лесам и болотам, с соблюдением строжайших мер маскировки. Армии второго стратегического эшелона перевозились из глубины страны к рубежу рек Западная Двина и Днепр при сохранении режима работы железных дорог по мирному времени.

Последнее обстоятельство заслуживает особого внимания. Для многомиллионных армий первой половины XX века железные дороги, поезда и паровозы стали важнейшим «родом войск», во многом предопределявшим исход главных сражений двух мировых войн. Так, на этапе стратегического развертывания вермахта по плану «Барбаросса» немецкие железные дороги перешли на график максимальных военных перевозок с 23 мая 1941 года. Режим военных перевозок в Европейской части СССР вводился (с 12 сентября 1939 года) даже на этапе стратегического развертывания Красной армии перед войной с полуразрушенной Польшей. Однако в июне 1941-го ничего подобного сделано не было!

Фактически в мае-июне 1941 года стратегическое развертывание Красной армии не форсировалась, а всемерно затягивалось. Так не бывает в ситуации запоздалой и спешной подготовки к отражению агрессии. Если у человека загорелся дом, то он бежит тушить его сломя

голову, а не ползет к пожарищу по-пластунски темной ночью в маскхалате. Ночью и в маскхалате ползут с другой целью – когда хотят поджечь дом соседа…

5 мая 1941 года Сталин назначил себя председателем Совета народных комиссаров (СНК), то есть главой правительства СССР. Вряд ли надо объяснять, что и до 5 мая 1941 года товарищ Сталин обладал абсолютной полнотой власти. Разгром внутрипартийной оппозиции в конце 20-х годов, восстановление крепостного права в деревне (коллективизация и «раскулачивание»), Большой террор 1937–1938 годов – все эти великие, надолго (если не навсегда) определившие судьбу страны потрясения Сталин возглавил и осуществил, не испытывая нужды в формальном оформлении своего фактического статуса единоличного диктатора. И до 5 мая 1941 года товарищ Молотов, являясь номинальным председателем СНК, согласовывал любой свой шаг, любое решение правительства с волей Сталина.

«Взять на себя инициативу наступательных действий»

Что же изменилось в начале мая 41-го года? С точки зрения внутриполитической обстановки в СССР – ничего. Самоназначение Сталина имело смысл лишь в рамках гипотезы о том, что именно тогда, в начале мая 1941 года, он и принял пресловутое «Принципиальное Политическое Решение». В эпоху великих перемен, которые на этот раз предстояло осуществить в масштабах всей Европы, товарищ Сталин пожелал войти в роли законного главы правительства, встать «на один уровень» с президентом США, японским императором, монархом Соединенного Королевства…

10 мая 1941 года в Комитете обороны при СНК СССР был утвержден «Перечень вопросов, подлежащих рассмотрению на совещании» (кого с кем – не указано). Пункт 14 повестки дня звучит так: «О дополнительных сметах расходов на период мобилизации и первый месяц войны». 4 июня 1941 года нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов направляет заместителю председателя СНК (то есть заместителю Сталина) Н. А. Вознесенскому докладную записку № 1146. Гриф секретности документа: «Совершенно секретно, особой важности». И это действительно документ особой важности для историка – в нем рядом со словосочетанием «военное время» появляются абсолютно конкретные даты:

«Представляю при этом ведомость потребности наркомата ВМФ по минно-торпедному вооружению на военное время с 1.07.41 по 1.01.43. Прошу Ваших указаний об увеличении выделенных количеств минно-торпедного вооружения, учитывая, что потребность в них на 2-е полугодие 1941 в/г составляет 50 % от общей потребности на период до 1.01.43 г.».

Как видим, нарком ВМФ планирует воевать уже в следующем месяце. Оперативный план этой большой морской войны уже составлен – в противном случае Н. Г. Кузнецов не мог бы прогнозировать конкретное распределение расхода минно-торпедного вооружения по каждому полугодию.

4 июня 1941 года на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение «утвердить создание в составе Красной Армии одной стрелковой дивизии, укомплектованной личным составом польской национальности и знающим польский язык». Срок исполнения – 1 июля 1941 года.

Зачем Сталину понадобилась дивизия, говорящая на польском языке? Да еще и так срочно – к 1 июля. Неужели настолько оскудела земля русская богатырями, что для обороны нерушимых границ СССР срочно потребовались поляки? Правда, аналогичный случай уже имел место 11 ноября 1939 года. Тогда, за 20 дней до начала Зимней войны с Финляндией было принято решение о формировании 106-й стрелковой дивизии, личный состав которой набирался исключительно из лиц, владеющих финским или карельским языком.

18 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) принимает следующее решение: «Выдать наркомату обороны в июне из госрезервов 750 тысяч штук автомобильных шин с возвратом в

УГМР (Управление государственных мобилизационных резервов. – *М. С.*) в сентябре. Разрешить Наркомрезинпрому прекратить с 18 июня отгрузку а/м шин всем потребителям, за исключением наркоматов и ведомств, указанных в Приложении 1, с переносом недогрузов на 4-й квартал».

Очень интересный документ. 18 июня в Политбюро существует четкое понимание того, что в ближайшие дни и недели у Наркомата обороны возникнет экстренная, «пиковая» потребность в авторезине. Эту потребность решено покрыть с использованием экстраординарных мер, а образовавшуюся в запасах и снабжении гражданских ведомств «брешь» постепенно восполнить позднее, начиная с сентября-октября. Чего же ожидали в Политбюро? Дождя из гвоздей, который зальет все дороги, или запланированного начала открытой мобилизации, в рамках которой из народного хозяйства в Красную армию предстояло передать порядка 240 тысяч автомобилей?

В преддверии грандиозной наступательной операции, еще более важной, нежели замена истертых покрышек, была замена «устаревших» представлений в умах миллионов красноармейцев. Всенародно любимая песня со словами «Земли чужой мы не хотим не пяди…» более никуда не годилась. Нужны были новые песни, с новыми словами, новыми образами и идеями. В начале июня 1941-го (точной даты на документе нет) 1-й секретарь МК и МГК, секретарь ЦК ВКП(б) А. С. Щербаков готовит директиву «О состоянии военно-политической пропаганды». В директиве ставится задача осуществить «коренной поворот в партийно-политической работе по большевистскому воспитанию личного состава Красной Армии и всего советского народа в духе пламенного патриотизма, революционной решимости и постоянной готовности перейти в сокрушительное наступление на врага».

Дано в директиве Щербакова и исчерпывающе ясное объяснение, в какую именно сторону надо поворачивать «воспитание личного состава»:

«Внешняя политика Советского Союза ничего общего не имеет с пацифизмом, со стремлением к достижению мира во что бы то ни стало. Еще в 1915 году Ленин предвидел возможность наступательной политики после утверждения социализма в одной стране… Ленинизм учит, что страна социализма, используя благоприятно сложившуюся международную обстановку, должна и обязана будет взять на себя инициативу наступательных военных действий против капиталистического окружения с целью расширения фронта социализма. До поры до времени СССР не мог приступить к таким действиям ввиду военной слабости. Но теперь эта военная слабость отошла в прошлое… В этих условиях ленинский лозунг «На чужой земле защищать свою землю» может в любой момент обратиться в практические действия…»

Их на фронт не провожали

При всей важности задач материально-технического и пропагандистского обеспечения главной составляющей подготовки к войне стало, конечно же, стратегическое развертывание Вооруженных Сил. Указать точную конкретную дату начала развертывания не представляется (по крайней мере, в рамках имеющейся сегодня источниковой базы) возможным. Красивая метафора, предложенная В. Суворовым («Лев в саванне сначала долго и бесшумно подползает к своей жертве и только в последний момент с оглушительным рычанием бросается на нее в открытом прыжке»), как нельзя лучше описывает ситуацию мая-июня 1941 года.

Первыми начали выдвижения находящиеся в далеком Забайкалье и Монголии соединения 16-й армии и 5-го мехкорпуса. 22 мая 1941 года началась погрузка первых частей в эшелоны, которые с учетом огромного расстояния и сохраняющегося графика работы железных дорог мирного времени должны были прибыть на Украину, в район Бердичев – Шепетовка в период с 17 июня по 10 июля.

С 13 по 22 мая поступили распоряжения Генштаба о начале выдвижения к западной границе еще двух армий резерва главного командования: 22-я армия выдвигалась в район Великие Луки – Витебск со сроком окончания сосредоточения 1–3 июля, 21-я армия сосредоточивалась в район Чернигов – Гомель – Конотоп ко 2 июля.

29 мая принято решение о формировании 19-й армии и развертывании ее в районе Черкассы – Белая Церковь к 7 июля. Не ранее 13 июня принято решение о формировании на базе соединений Орловского и Московского военных округов еще одной, 20-й армии резерва ГК, которая должна была сосредоточиться у Смоленска к 3–5 июля.

Упомянутая выше 21-я армия развертывалась на базе войск Приволжского военного округа. Штаб округа был в Куйбышеве (ныне Самара), и сейчас одна из площадей моего родного города носит название «Площадь героев 21-й армии». А поскольку историю нынешняя молодежь (равно как и все прочие группы населения) знает плохо, решено было разъяснить горожанам, что это за армия и какими героическими свершениями отмечен ее боевой путь.

29 апреля 1998 года городская газета «Волжская Заря» поместила статью начальника пресс-центра При-ВО под названием «Их на фронт не провожали». Просто и бесхитростно был в ней описан процесс того, что на суконном военном языке называется «скрытое отмобилизование»:

«Их на фронт не провожали. На платформах железнодорожных вокзалов не играли духовые оркестры и не рвали душу щемящие звуки “Прощания славянки”… Сформированная в Поволжье 21-я армия покидала родные гарнизоны и военные городки тайно, по ночам. Сотни воинских эшелонов были поданы к небольшим железнодорожным полустанкам и разъездам на Тоцком полигоне, в Татищевских лагерях, к другим неприметным местам погрузки, куда прибывали отмобилизованные стрелковые дивизии из Куйбышева и Саратова, Казани и Ульяновска, Балашова и Пензы. С приписным составом, материальными запасами, полными боекомплектами снарядов и патронов… После 13 июня (да-да, тот самый день, когда ТАСС распространило знаменитое «Заявление», в котором опровергались «провокационные слухи» о близкой войне. – *М. С.*) они были погружены в товарные вагоны и по нескольким железнодорожным маршрутам брошены под Гомель и Чернигов, во Второй стратегический эшелон. Укомплектованные по штатам военного времени, с хорошо обученными в полевых лагерях и на полигонах бойцами и командирами основного и приписного составов…»

Всего под прикрытием «учебных сборов», без объявления открытой мобилизации, в мае-июне 1941 года были призваны порядка 800 тысяч резервистов, из которых по меньшей мере 668 тысяч прибыли в войска до начала войны (эта минимальная из известных мне цифр приведена в Справке начальника оргучетного отдела Оперативного управления Генштаба Красной армии полковника Ефремова от 1 марта 1942 года). Казалось бы, при наличии такого контингента личного состава можно было доукомплектовать все стрелковые дивизии (а это основная сила в обороне) приграничных военных округов (будущих фронтов) до полной штатной численности военного времени. Арифметика тут очень простая: 103 стрелковые дивизии со средней укомплектованностью порядка 10 тысяч человек, каждой из них для полного отмобилизования требуются в среднем по 4,5 тысячи человек, итого – 463 тысячи.

Почему же многие (большинство) стрелковые дивизии первого эшелона западных округов встретили начало войны, будучи укомплектованными лишь на 65–85 % от штата военного времени? Ответ прямым текстом назван в приведенном выше рассказе про формирование 21-й армии: мобилизованный под прикрытием «учебных сборов» контингент был прежде всего и главным образом обращен на доукомплектование соединений второго стратегического эшелона.

Это очень странно, просто невероятно, если исходить из того, что стратегическое развертывание мая-июня 1941 года было развертыванием для обороны. В целях обороны следовало срочно доукомплектовать приграничные стрелковые дивизии, затем – дивизии второго

эшелона западных округов и лишь после этого – если Бог даст и время еще будет – заняться отмобилизованием второго стратегического эшелона.

Но Красная армия развертывалась не для обороны, а для нанесения внезапного первого удара, в интересах которого все мероприятия были подчинены задаче обеспечения максимальной скрытности и секретности. Именно поэтому самые демаскирующие стратегический замысел действия – отмобилизование первого эшелона округов/ фронтов, их сосредоточение и развертывание на приграничных рубежах – были отнесены в самый конец процесса, а начался он в глубочайшем тылу, с выдвижения армий резерва ГК (второй стратегический эшелон) на рубеж рек Западная Двина и Днепр. Лишь после того как сотни железнодорожных эшелонов застучали по рельсам, в середине июня 1941 года пришли в движение и войска второго эшелона приграничных округов.

В период с 12 по 15 июня командование западных округов получило приказы на выдвижение «глубинных дивизий» ближе к государственной границе. Срок завершения перегруппировки – к 1 июля. Вот как описывает эти события в своих мемуарах маршал И. Х. Баграмян (в то время – полковник, начальник оперативного отдела штаба Киевского ОВО):

«15 июня мы получили приказ начать с 17 июня выдвижение всех пяти стрелковых корпусов второго эшелона к границе. У нас уже все было подготовлено к этому: мы еще в начале мая по распоряжению Москвы провели значительную работу – заготовили директивы корпусам, провели рекогносцировку маршрутов движения и районов сосредоточения. Теперь оставалось лишь дать команду исполнителям… Дивизии забирали с собой все необходимое для боевых действий. В целях скрытности двигаться войска должны были только ночью…»

Директива аналогичного содержания и с указанием той же даты завершения сосредоточения – к 1 июля – поступила и в Западный ОВО (Белоруссия). Накануне войны 32 дивизии западных округов тайно, ночными переходами, через леса и болота крались к границе. Полковник Новичков, бывший в начале войны начальником штаба 62-й стрелковой дивизии 5-й армии Киевского ОВО, в своих воспоминаниях пишет: «Части дивизии выступили из лагеря в Киверцы и, совершив два ночных перехода, к утру 19 июня вышли в полосу обороны, однако оборонительный рубеж не заняли, а сосредоточились в лесах вблизи него».

«Гремя огнем, сверкая блеском стали…»

Последние сомнения в наступательной направленности стратегического развертывания исчезают, стоит лишь нам нанести на географическую карту расположение главной ударной силы Красной армии – механизированных (то есть танковых) корпусов.

Благодаря предусмотрительно вырисованной в сентябре 1939 года «линии разграничения государственных интересов СССР и Германии на территории бывшего Польского государства» (именно так официально называлось то, что в книгах и учебниках называется «западной границей») эта «граница» имела два глубоких (на 120–170 км) выступа, обращенных «острием» на Запад. Если бы Красная армия собиралась встать в оборону, то на «остриях выступов» следовало оставить лишь минимальные силы прикрытия, а основные оборонительные группировки развернуть у оснований Белостокского и Львовского выступов. Такое построение позволяло избежать окружения своих войск на территории выступов и сократить общую протяженность фронта обороны (длина основания треугольника всегда короче суммы двух других сторон). Мехкорпуса как инструмент нанесения сокрушительного контрудара по прорвавшемуся в глубину обороны противнику следовало сосредоточить еще дальше на восток, примерно на уровне «старой» границы 1939 года.

В июне 1941 года все было сделано точно наоборот. Почти все мехкорпуса развертывались к западу от границы 1939 года. Четыре самых мощных мехкорпуса Красной армии (6, 4, 8 и 15-й), по числу танков «новых типов» (то есть Т-34 и КВ) превосходившие все осталь-

ные (а «остальных» было 26) вместе взятые, сгрудились на самых остриях выступов (на схеме диаметр значка пропорционален числу танков в мехкорпусе, а длина стрелки – числу танков «новых типов»).

Среди этих «четырех богатырей» особенно выделялся 6-й мехкорпус. К началу боевых действий в нем числились 1131 танк (больше штатной нормы!), 294 трактора/ тягача (почетное «второе место» среди всех мехкорпусов РККА), а по числу автомашин и мотоциклов (4779 и 1042 соответственно) он занимал абсолютное первое место. Лучший мехкорпус Красной армии прятался в чаще дремучих лесов у Белостока. Можно догадаться, как он попал в Белосток, – к городу сквозь вековые леса и бездонные болота подходит нитка железной дороги. Выйти же своим ходом из Белостока корпус мог только в одну сторону – по шоссе на Варшаву, до которой от тогдашней линии границы оставалось всего 80 км. Магистральной автомобильной дороги от Белостока на восток, в глубь Белоруссии, как не было тогда, так нет и по сей день…

С 14 по 19 июня командование приграничных округов получило указание к 22–23 июня вывести фронтовые управления на полевые командные пункты. Так, в телеграмме начальника Генерального штаба от 19 июня командующему войсками Киевского ОВО было сказано: «К 22.06 1941 г. управлению выйти в Тернополь, оставив в Киеве подчиненное Вам управление округа… Выделение и переброску управления фронта сохранить в строжайшей тайне…»

Развертывание на базе военных округов фронтов, создание фронтовых управлений и вывод их на полевые командные пункты – это война. В мирное время фронты в составе Красной армии никогда не создавались (развернутый с конца 30-х годов Дальневосточный фронт может служить как раз примером «исключения, подтверждающего правило»: граница с оккупированным Японией Китаем непрерывно вспыхивала то большими, то малыми вооруженными конфликтами). И напротив – фронтовые управления создавались перед каждым новым наступлением (11 сентября 1939 года – за шесть дней до начала войны с Польшей, 9 июня 1940 года – за девятнадцать дней до «кампании по принуждению Румынии» к передаче Бессарабии и Северной Буковины). Сколько дней оставалось от 19 июня до запланированного начала грандиозной наступательной операции? На этот вопрос мы сможем ответить лишь после радикального расширения доступной историкам источниковой базы.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.